

*Как средиземный краб или звезда морская,
Был выброшен водой последний материк.
К широкой Азии, к Америке привык,
Слабеет океан, Европу омывая...*

Осип Мандельштам. «Европа».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Лето 1981-го года выдалось жарким. Плавился асфальт на улицах Свердловска, росли очереди к желтым бочкам с охлажденным квасом, на глазах темнела листва деревьев бульвара на главном проспекте города, в тени которой искали убежища студенты Уральского университета, сидевшие на скамьях и прямо в газонах с книгами и конспектами. В аудиториях 4-го этажа корпуса на улице Тургенева было душно и шумно – как всегда бывает, когда начинается сессия.

Почему этот не по-здешнему теплый июнь так запомнился мне, одному из сотни второкурсников истфака УрГУ? Потому, что память запечатлела факт, оставшийся в моей жизни единичным и, возможно, оттого очень ярко, свежо сохранившийся в глубоко личной, бессознательно создаваемой галерее образов и впечатлений, цветов и оттенков, настроений и переживаний.

Этот факт – некий экзамен, который 2-й курс историков сдавал настолько неординарному преподавателю, что многие из нас на какое-то время пожалели о том, что кафедра истории древнего мира и средних веков не может принять в лоно своей специализации всех неожиданно пожелавших связать с ней судьбу – по крайней мере, на ближайшие 3 года.

Собственно, все началось значительно раньше, когда большинство курса впервые познакомилось с Маргаритой Адольфовной Поляковской. Она вошла в нашу галдевшую на разные голоса аудиторию в начале семестра, который, как я теперь знаю, официально именуется весенним – но было это суровой зимой, ибо по какому-то непонятному локальному закону природы жаркому уральскому лету предшествует именно студеная, лютая зима. Промерзшие окна, ранние сумерки – и в этом скованном льдом неприветливом мире появилась Она.

И вместе с Ней в наши распахнутые глаза, в наши неотогревшиеся души пришла... нет, не весна. Нечто большее – с Ней к нам пришла Европа.

Для нас, школьников 1970-х, Европа представлялось причудливым и манящим, как торт из экзотических фруктов, миражом, чрезвычайно далеким и практически недоступным. Да, наш город раскинулся по соседству с границей двух частей Старого Света, но все-таки не в Европе, а в Азии. Впрочем, приезжая к знаменитому пограничному обелиску, мы всегда воспринимали его как географическую причуду – не более. Для самых нечувствительных и циничных это вообще была просто-напросто поездка в Первоуральск, и к югу, и к северу, и даже к западу от которого по-прежнему лежала не Европа, а меньшая часть «одной шестой земли», навсегда, казалось бы, отделившей себя от «остального мира».

В этом «остальном мире» остались Гауф и Андерсен, Моруа и Стивенсон, Босх и Дюрер, Ренуар и Тулуз-Лотрек. Там, за дальними далями, скрывались сказочные города, рыцарские замки и пряничные домики с леденцовыми крышами. Там, невидимые для нас, возвышались таинственные соборы, видевшие не только смирение, но и мятежность духа, оттуда из-за крепостных стен тревожно глядели ремесленники и торговцы, менестрели и трубадуры, прекрасные принцы и принцессы. Еще бы! Ведь в окрестных лесах бродили великаны и единороги, а в горах копошились гномы и тролли. Этот мир иногда проникал к нам в отражении музыки Грига и Блэкмора, в сразу становившихся культовыми текстах Толкиена. Но существовал он как бы в ином измерении, как сейчас бы сказали – он оставался виртуальным для нас. И вдруг этот мир вошел в аудиторию 459...

Это было незабываемо.

Она говорила негромко, но ярко и образно. Она стояла за кафедрой и читала нам стихи вагантов. Она искренне стремилась сделать Европу доступной для нас и показывала нам красочные слайды (мне запомнилось, что смотрели их мы в большом помещении главного здания, может быть, в зале Ученого совета УрГУ – в общем, там, куда мог поместиться целый курс и где имелись темные шторы). Даже самые закоренелые скептики не играли на Ее лекциях в шахматы или морской бой, не решали кроссворды и не готовились к занятиям по иностранному языку. У Нее не было прозвища – его и не могло быть. О Ней никогда не говорили без уважения – даже в среде, полагавшей себя новым поколением интеллектуалов-нигилистов с мироощущением, априорно непонятным для тех, кто родился раньше конца 50-х. Безукоризненно (на зависть нашим непоседливым сверстникам) одетая, умело державшая поистине академическую дистанцию и вместе с тем абсолютно не чопорная, энергичная, по-деловому строгая и при этом обязательная и бесконечно женственная, мудрая и все понимавшая – такой в нашем коллективном представлении и должна быть Европа.

Та Европа, о которой мечтали и которая тайно жила в нас с самого детства. Для подавляющего большинства из нас не только Брюгге и

Реймс, но и Прага с Будапештом были, казалось, недостижимы. Некоторые, потратив всю осеннюю стипендию, умудрялись в зимние каникулы по студенческому билету (50 рублей туда и обратно) слетать в Ригу, чтобы погулять по средневековым кварталам, постоять у Дома с кошками (или, может быть, у дома с Кошками), послушать настоящий орган (причем не в филармонии, а там, где только и нужно слушать его – в Кафедральном соборе), попить кофе с бальзамом, покурить сигареты VecRiga и попробовать пиво Rigas Allus – словом, почувствовать себя оказавшимися на пороге той самой Европы.

Культуру этой Европы мы жадно впитывали на лекциях Маргариты Адольфовны, мы передавали друг другу «Песнь о Роланде» и «Сказание о Сиде», рассматривали запредельные творения Ашера и чудесные шедевры Кранаха. Семестр завершился, мы сдали экзамен (я до мельчайших подробностей помню, как это было, какой билет достался мне в 462-й аудитории и какие вопросы задавала Она).

Позднее я прочитал Ее прекрасные книги – сначала о быте и нравах Византии, затем о византийских интеллектуалах. Вот эти книги, на полке в моем кабинете – а «Культура Византии» лежит поперек, потому что имеет особый формат. Но первое впечатление – самое яркое. И Маргарита Адольфовна в моем мире ассоциируется, в первую очередь, со средневековой Францией, с Германией и Флоренцией – может быть, потому что они есть на сегодняшней карте, а Византия для меня – сродни прекрасной Атлантиде?

У Валентина Серова есть восхитительная картина, написанная в 1910 г. Эта вершина русского модерна – «Похищение Европы» – с детства волнует меня. Старый, как мир, сюжет: высшая воля уносит от нас Европу, и ничто не в силах остановить огромного коричневого быка, угрюмо рассекающего темно-голубую волну. Как изящна, как элегантна Европа, как задумчив ее взгляд, устремленный в бездонную морскую глубину!

Два поколения прошли по просторам России, беззвучно крича: «Верните Европу!»

И Европа вернулась. Но для тех, кому посчастливилось в 1981-м волею учебного расписания оказаться в 459-й аудитории истфака УрГУ, Европа возвратилась не в 1989-м и не в 1991-м.

Она вернулась на 10 лет раньше. Зевс вернул нам Ее той самой зимой. Вот альбом «Мир искусства», вот картина Серова. Вот зеркало. Приставьте его к этой странице – что вы видите в зеркале? Бык плывет в обратную сторону, к нам, а не от нас. А Европа – вы узнаете Ее?

С возвращением! И – спасибо Вам, Маргарита Адольфовна!

Д.В. Бугров